

с. 1.

Народъ въ жизни и народъ въ литературѣ.

(По поводу недавнихъ инцидентовъ).

Южно-русская жизнь, или—говоря точнее—жизнь русского простонародья принесла въ послѣдніе дни два такихъ факта, надъ которыми стоить задуматься всѣмъ, у кого есть хотя какое-нибудь чувство къ нашей дорогой родинѣ, Россіи. Оба факта, на первый взглядъ, стоятъ какъ будто бы на двухъ противоположныхъ полюсахъ моральнаго міра: одинъ изъ нихъ представляетъ образецъ потрясающаго самопожертвования ради общаго блага, другой—что-то полудикое и фанатическое.

Я говорю, во-1-хъ, о случаѣ на ст. Гвизляково, когда желѣзнодорожный сторожъ, готовясь перевести стрѣлку для подходящаго поѣзда, увидѣлъ на рельсахъ своего ребенка, и все-же перевелъ поѣздъ на этотъ путь, жертвуя ребенкомъ, лишь-бы не повредить людямъ, бывшимъ на поѣздѣ.

Какъ онъ любилъ своего ребенка, и что онъ чувствовалъ, совершая этотъ подвигъ, видно изъ того, что найденъ онъ былъ затѣмъ въ глубокомъ обморокѣ около стрѣлки и совершенно посѣдѣвшимъ въ нѣсколько мгновеній. Пинуть, что онъ упалъ въ тихое помѣшательство и постоянно повторять: „поѣздъ идетъ, поѣздъ идетъ“.

Кстати, въ петербургскихъ газетахъ, да и то не во всѣхъ,—этому случаю отпечена крохотная выдержка изъ одесскихъ газетъ, среди другихъ извѣстій о самыхъ ничтожныхъ и пустяковыхъ явленіяхъ! Какое адское, отвратительное равнодушіе къ величайшимъ моральнымъ явленіямъ! Можно подумать, что у насъ такихъ людей, такихъ героевъ, способныхъ приносить въ жертву обществу своихъ страстно-любимыхъ дѣтей, — цѣлые миллионы! А вѣдь, всѣ знаютъ, что, наоборотъ, жизнь наша полна самыми варварскими эгоизмами, и эгоизмомъ именно семейнымъ, при которомъ, ради интереса семьи и дѣтей, попрания всѣ общественныя интересы.

Но, это—я прогроз.

Такъ вотъ — одинъ фактъ. А другой, это — самоожжение и самопожертвование бѣгуновъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ. На первый взглядъ, между этими фактами нѣтъ ничего общаго; можетъ казаться даже, что они—діаметрально противоположны другъ другу.

Газеты,—насколько я могъ замѣтить,—увидѣвъ во второмъ фактѣ только новое, липнѣе доказательство народнаго невіжества и приравнивали этотъ фактъ съ принесеніемъ человѣческихъ жертвъ у вояковъ нашихъ сѣверо-восточныхъ окрестностей.

Да, нельзя не согласиться, что проявленіе невіжества тутъ огромное, вопиющее. Кажется, сама жизнь заговорила, наконецъ, языкомъ „Новаго Завѣта“ и кричитъ намъ: „амѣношій уши слышати, — да слышати“.

Но, кромѣ невіжества, въ этомъ фак-

тѣ есть и кое-что другое, не позволяющее ставить его рядомъ съ дѣломъ мультановскихъ вояковъ. Тамъ человѣческое жертвоприношеніе (если оно было) совершалось не надъ собой, а надъ другимъ и было выраженіемъ только дикаго языческаго убѣжденія, что божество желаетъ крови, радуется убійству человѣка. Это — простой „пережитокъ“ (survival), какъ говорятъ англійскіе этнографы и антропологи), „пережитокъ“ первобытной религіи, представлявшей божество такими-же кровожаднымъ антропофагомъ, каковы были и самъ первобытный человѣкъ, если не всегда, то во многихъ случаяхъ.

То-ля мы видимъ въ исторіи тираспольскихъ „бѣгуновъ“? Здѣсь люди приносятъ въ жертву самихъ себя. И жертва эта не въ томъ, что они считаютъ божество кровожаднымъ, жаждущимъ ихъ смерти. Нѣтъ, это — жертва во имя вѣрности своимъ убѣжденіямъ. Насколько я могъ понять изъ корреспондентскихъ отчетовъ, помѣщаемыхъ въ одесскихъ газетахъ, однимъ изъ поводовъ была всеобщая перепянь. Въ глазахъ „бѣгуновъ“, не признающихъ никакого прикрѣпленія, никакихъ гражданскихъ формъ и нормъ, простое правденіе въ извѣстность числа жителей Имперіи явилось, какъ прикрѣпленіе, т. е. какъ нѣчто, расходящееся радикально съ ихъ основными воззрѣніями на свое моральныя обязанности. Въ результатѣ, очевидно, выводитъ: „лучше смерть, чѣмъ измѣна своимъ убѣжденіямъ, своей вѣрѣ“. Повторяю, фундаментомъ этого дѣйствія было ужасающее невіжество, но *ложимомъ*, двигателемъ внутреннимъ, психологическимъ, былъ высочайшій моральный императивъ — быть вѣрнымъ своему убѣжденію, своему долгу, — какъ сказалъ-бы Кантъ. И вотъ, при такомъ разборѣ этого факта, вы видите, что онъ только по внѣшности кажется діаметрально противоположнымъ поступку гвизляковскаго стрѣлочника. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, въ основѣ и того, и другого факта, лежатъ одинъ общій, моральный мотивъ — чувство *дѣла*, обязанности, развитое и тамъ, и здѣсь, до высочайшей степени.

Всду я эту рѣчь вѣдь къ чему: если мы, среди русскаго (или, скажемъ, среди южно-русскаго) простонародья, находимъ столь высоко-развитыя чувствования нравственнаго долга, — если мы находимъ ихъ не только у сектанта, — гдѣ они могли-бы объясняться религіознымъ фанатизмомъ, — но и у простого стрѣлочника желѣзной дороги, — то каковы были-бы этотъ народъ, если-бы въ него пролить побольше свѣта, истиннаго свѣта знанія и христіанской любви. Какая чудная нравственная крѣпость раскрылась-бы передъ нами, смѣнивъ факты, приводящіе теперь только въ ужасъ и отчаяніе, потому что умственная темнота направляетъ самия чистыя и высокія моральныя побужденія по ложной дорогѣ въ родѣ самоожжения, замуровыванія, etc., etc. И развѣ передъ нашими глазами нѣтъ множества другихъ фактовъ, показывающихъ высокіе моральныя задатки и сѣм-

на въ душѣ простонародья? Развѣ мы не видимъ на каждомъ шагѣ, что едва только этотъ темный народъ, народъ съ толпой пьяницъ, мелкихъ ворюшекъ, а иногда и крупныхъ грабителей, — просвѣщается истиннымъ свѣтомъ евангельской любви, — онъ словно перерождается, бросаетъ пить, отдастъ всю свою жизнь служенію ближнимъ, становится кротокъ, вдумчивъ, трудолюбивъ, самоотверженъ.

Но, увы, вотъ этого „просвѣщенія“, просвѣщенія *душою* евангельской любви и евангельскихъ заповѣдей, мы и не видимъ въ массѣ. Да и что говорить о такомъ просвѣщеніи, когда еще нѣтъ даже болѣе простаго просвѣщенія въ видѣ обыкновенной грамоты, которая могла-бы послужить ступенію къ дальнѣйшему знанію, хотя-бы съ Евангеліемъ и чудными образами Христа и Его заповѣдей.

На-дняхъ, петербургскія газеты много говорили о произведеніи нашего высокоталантливаго беллетриста, Антона Павловича Чехова („Русская Мысль“, апрѣль). Произведеніе это такъ и названо — „Мужики“. И. П. Буренинъ, — который рѣдко кого хвалитъ, а въ послѣднее время нападалъ и на А. П. Чехова, посвятить „мужикамъ“ восторженный фельетонъ. Онъ говоритъ въ немъ, что давно не читалъ ничего подобнаго въ русской литературѣ. Другой фельетонистъ той-же газеты, скрывающій подъ псевдонимомъ крупное литературное имя одного изъ весьма талантливыхъ и симпатичныхъ нашихъ беллетристовъ, — ставитъ новое произведеніе Чехова на-ряду съ „Хозяиномъ и работникомъ“ Л. Н. Толстого. Онъ находитъ даже, что „Мужики“ производятъ болѣе сильное и непосредственное впечатлѣніе: читая „Хозяина и работника“, авторъ чувствовалъ, что Толстой какъ-бы пасивнѣе пригнетаетъ мысль и душу къ своему воззрѣнію на жизнь и людей. Это мѣшаетъ полности художественнаго впечатлѣнія и т. д. Наоборотъ, у Чехова, по мнѣнію того-же автора, — читатель чувствуетъ себя исполнѣ свободнымъ въ выборѣ вывода или рѣшенія изъ фактовъ, выведенныхъ художникомъ.

Замѣчаніе это очень тонко и отчасти справедливо. Но его слѣдовало развить далѣе. Дѣло, мнѣ кажется, не въ томъ, что произведеніе одного художника порабощаетъ насъ *идея его произведенія*, а произведеніе другого художника оставляетъ свободнымъ въ дѣлѣ выбора рѣшенія. На меня лично произведеніе Чехова произвело такое-же порабоощающее дѣйствіе (въ идейномъ смыслѣ), т. е. по прочтеніи рассказа я весь, со всѣми моими мыслями и чувствами, былъ поглощенъ одной идеей: „такъ жить народъ долго не можетъ. Необходимо, чтобы интеллигенція или кто-нибудь пришелъ къ нему на помощь, и пришелъ какъ можно скорѣе“.

Замѣчательно, что ту-же самую идею высказываетъ въ концѣ своего фельетона и талантливый авторъ его. Значитъ, мы оба, неговариваясь, пришли къ одному выводу. Отчего это могло случиться? Оттого, что Чеховъ умѣлъ привести насъ къ этой идѣи такъ, что мы и не замѣтили, какъ пришли къ ней; онъ привелъ

нась къ этому безъ малѣйшихъ натяжекъ, искреннимъ, живымъ изображеніемъ фактовъ деревенской жизни. Какъ самъ онъ пришелъ изъ своихъ наблюдений къ этимъ выводамъ, такъ и насъ заставлялъ посредствомъ тѣхъ-же своихъ наблюдений, ярко нарисованныхъ, проникнуться тѣмъ-же убѣжденіемъ.

Какая-же разница между его приемомъ и приемомъ Толстого?

А такая, что Толстой къ своимъ взглядамъ на жизнь вообще и на жизнь народа въ частности пришелъ не путемъ одного только наблюдения фактовъ жизни, какъ она есть, — а путемъ наблюдения ихъ съ точки зрѣнія *предвзятой* теоріи о тщетѣ всего земнаго, о необходимости приносить себя въ жертву ближнему, ради достиженія царства не отъ міра сего, и т. п. Это — уже не наблюдение художника, а *доктрина*, теорія моралиста и при томъ моралиста — теологическаго направленія. Толстой, въ своемъ произведеніи, является двойнымъ лицомъ: величайшимъ художникомъ и весьма слабымъ (въ смыслѣ обоснованія) моралистомъ. Обоснованіе его морали слабо потому, что мораль есть дѣло всеобщее, она нужна и для вѣрующихъ и для невѣрующихъ въ царство не отъ міра сего, и для послѣднихъ даже нужнѣе, чѣмъ для первыхъ. Но разъ кто-нибудь обосновываетъ мораль на „царствѣ не отъ міра сего“, онъ обосновываетъ ее только для вѣрующихъ. Невѣрующихъ-же надо убѣдить сперва въ существованіи этого царства. Но развѣ разскажи, — хотя-бы такого художника, какъ Толстой, — можетъ убѣдить именно въ этомъ? Это — дѣло философовъ, — дѣло широкаго міросозерцанія, построеннаго на всѣхъ приобретѣніяхъ современной науки и мысли, — какъ мы видимъ, напр., въ философскихъ произведеніяхъ гениальнаго Гюйо, — о которомъ я писалъ въ вашей газетѣ. Такая система, и только такая, можетъ помочь повороту невѣрующей души въ сторону, если не абсолютной вѣры, то хотя бы надежды, относительно царствования не отъ міра сего. Ошибка Толстого въ томъ, что онъ смѣшиваетъ этику съ философией и религіей. Но этика строится всегда на внутреннемъ чувствѣ; чувство жъ это будетъ — у одного религиозное или мистическое, у другого — научно и философски — обоснованное, у третьяго эстетическое, у четвертаго просто врожденное и безсознательное, не дающее себѣ отчета, — какъ, напр., у гниляковаго стрѣлочника. Этотъ послѣдній, конечно, переподаетъ стрѣлку на своего ребенка, не имѣя времени даже и подумать о томъ — Толстой, — о томъ, что это дѣйствіе его дастъ ему мѣсто въ царствѣ не отъ міра сего. Онъ перевелъ стрѣлку по непосредственному чувству „долга“ передъ людьми, быть можетъ, по непосредственной „жалости“ (симпатіи) къ сотнямъ *неизвестнымъ* ему человѣческимъ существамъ, бывшимъ на побѣдѣ, т. е. неизвестнымъ ему лично, но о которыхъ онъ зналъ точно, что это люди...

Отсюда очевидно, что въ художественныхъ произведеніяхъ можно брать дѣльно

этический или моральный подъемъ читателей, но только не такъ, какъ это дѣлаетъ Толстой, а именно такъ (для въ томъ родѣ), какъ это дѣлаетъ Чеховъ. То есть, дѣйствуя прямо на *чувство* читателей, рисуя имъ такіе образы, которые прямо вліяютъ на сердце и уже путемъ сердца приводятъ къ точной, непобѣдимо овладѣвающей вами мысли о необходимости — служить ближнему, работать для него. Служить и работать не ради достиженія какого-нибудь своего личнаго блага (хотя-бы, напр., царства не отъ міра сего, — вѣдь, это все-же эгоистическій мотивъ), а исключительно въ силу своей пробужденной любви къ людямъ.

Такой мотивъ есть мотивъ *особоцій*, для котораго „нѣтъ ни Элливъ, ни Іудей“, и который можетъ жить въ сердцахъ людей разныхъ вѣрованій, убѣжденных, взглядовъ.

Поэтому-то, читая произведеніе Чехова, вы чувствуете, что онъ совершенно просто и естественно приобщаетъ васъ къ великому, общечеловѣческому закону: „любя ближняго“; онъ ничего не навязываетъ вамъ не потому, что въ его разсказѣ нѣтъ идеи, нѣтъ цѣли, нѣтъ глубокаго содержанія. Онъ не навязываетъ потому, что любовь *любовь* (въ потенциальномъ состояніи) въ сердцѣ каждаго; нужно только ее перевести изъ этого латентнаго состоянія въ живое, активное. И это-то дѣлаетъ искусство, если оно провѣянуто само — этой живой силой любви и симпатіи къ человѣческимъ существамъ.

Совершенно иначе дѣйствуетъ художественное произведеніе, если оно кладетъ въ свою основу предвзятую *доктрину* или теорію, „подставляющую“ вмѣсто живого мотива морали, т. е. вмѣсто пробужденной любви, — какія-либо обѣщанія, намысленная чисто теоретически (путемъ теологическимъ или философскимъ).

Вы тогда чувствуете, что васъ хотятъ притянуть къ *доктринѣ*, а вовсе не къ *морали*, пробуждаютъ въ васъ не живое, творческое, общечеловѣческое чувство, а полемическое чувство двухъ какихъ-либо философскихъ или богословскихъ воззрѣній. Но никакія философскія и богословскія *воззрѣнія* (въ смыслѣ теоретическомъ) не вѣчны: въ исторіи человечества идутъ нескончаемые споры между смѣняющимися философскими и богословскими доктринами. И среди этой „суеги“, этой чисто „умственной“ борьбы, остается вѣчнымъ и неизмѣннымъ только одно: *чувство* симпатіи, чувство любви къ человѣческому существу, которое все растетъ и ширится по мѣрѣ разрастанія цивилизаціи. Это чувство напоминаетъ ростомъ гигантскаго, тысячелѣтняго дуба: въ первыхъ людяхъ, оно тлѣло какъ искра, охватывая лишь собственную семью, а всѣ, кромѣ семьи, — казались врагами, для которыхъ нѣтъ ни жалости, ни симпатіи. Но ростокъ пускало отпрыскъ, и вотъ интересъ семьи уже смѣняется интересомъ „рода“, племени, націи, касты, профессіи; дальше и больше разрастается дубъ симпатіи, и теперь у высшихъ типовъ людей онъ охватываетъ уже все человѣ-

чество, за которое сердце наше болит также, как в старину оно болело только за свою семью.

Вот почему, — когда искусство посвящает себя этому великому чувству, — оно естественно, оно мы к чему нас не пригибает насильно, а только помогает нашему естественному росту этого чувства. И вот почему, наоборот, оно пригибает нас, когда кладет в свою основу — холодную, намыленную переходящим умом человеческим, — теоретическую доктрину. Первое искусство будет вечно, пока существует прогресс человечности и симпатии, второе будет интересно, пока доктрина интересна. Но это в том случае, если в нем нет ничего-либо, — кроме доктрины, что может сблать его вечно. У Толстого, в рассказе „Хозяин и работник“ есть, это *мысли*, остающиеся навсегда. Это — величайшее воспроизведение жизни, этого величайшего дара, самого дорогого человечеству, и потому никогда не теряющего своей цены и интереса. А в этом отношении, т. е. в яркости, полноте, живости и глубине изображения жизни Толстой не имеет равных. Здѣсь, сравнение с Чеховым (не вообще с Чеховым, а с его „Мужиками“) прямо невозможно. Читая „Хозяин и работник“, вы буквально живете со всеми действующими лицами, вы переживаете все их чувства и даже малѣйшіе отбѣнки их. Великій художник как будто хватается вашу душу и моментально вносит ее в тѣло то одного из своих действующих лиц, то другого, и вы, точно под влиянием гипноза, становитесь попеременно то деревенским кулаком, то его пьяненьким работником, то беременной женой этого кулака, то содержателем постоялаго двора, то лошадыю этого кулака, то, наконец, самой сибирной мятежницей, которая оживает и в душу которой вы как будто проникаете.

Если сравнить с этим чудом искусства, — чудом чисто Шекспировским, — то, что мы переживаем, читая „Мужиков“, сравнение будет даже немножко конфузным. Чехов, — надо правду сказать, — на этот раз отнесся крайне не глубоко к своей темѣ. Он рисует почти только одну *внешнюю* сторону явления, не стараясь почти ни разу проникнуть в мир душевный всех этих людей. Когда один из героев рассказа бьет кулаком в лицо свою жену, вы только смутно можете догадываться, что она *должна* чувствовать. Чехов описывает только *внешний* проявления ее страданий! А, вѣдь, Толстой даже в лошади сумѣл раскрыть для нас цѣлую гамму чувствований! Тоже относительно всех остальных действующих лиц рассказа Чехова: вы должны сами *догадываться*, что чувствует эта старуха, озлобленная бѣдностью, бунтующая из-за самовара, отобраннаго старостой за недоямки; вы должны догадываться, что она чувствует, когда бранить и бить членов семьи. Вы должны догадываться, что чувствует умирающій лакей из моднаго ресторана, вернувшись умереть в свою родную

семью, — что чувствуют его жена, дѣвочка, и т. д., и т. д.

Сравнение это чисто — *внѣшнее* отношение к фигурам из народа не только в произведениях Толстого, но даже в „Подлиповнах“ Рѣшетникова, или в чудесных очерках В. Савихина. Кажется, ужь как было трудно Рѣшетникову перенести нас в *душу* Пили, Сысойки и Апросяки! А, вѣдь, сумѣл же он это сблать! Вспомните момент, когда Пила и Сысойка сидят или вѣрнѣе лежат надъ могилкой Апросяки и им все кажется, что она жива, и один из них говорит:

— Апросяка пишеть!.. Или когда один из этих героев, чтобы выразить свое чувство к Апросякѣ говорит, что ему хочется носъ ей откусить...

Как ни грубо и ни дико все это, — вы входите в душу этих людей, вы готовы заплакать надъ их темными душами, надъ их смутными, чуть бредущими мыслями и чувствами...

Я ужь не говорю о Савихинѣ: этого самъ вывел изъ крестьянской среды, а потому волшебная сила его проникновения в простыя души поражает и потрясает нас: возьмите его послѣдніе очерки, подъ заглавіемъ: „Филатка“ (въ „Новомъ Словѣ“, за 1896 г.).

Смѣшная, невѣжественная „бабушка“, жестокий и суровый отецъ, старый дѣдъ, обратившія в дѣтство, и т. д., и т. д., все они раскрыты передъ вами талантливый художником во всей глубинѣ ихъ душевной, сердечной жизни. Благодаря этому, вы начинаете любить ихъ, какъ что-то близкое и родное, — какъ любилъ и любить ихъ самъ авторъ, хотя в дѣтствѣ не мало слез и мучений вынесъ онъ отъ нихъ всехъ...

Представьте себѣ, что рассказъ „Мужики“ бытъ-бы написанъ такъ. Впечатлѣніе отъ него на ваше сердце было-бы сильнѣе въ сотню разъ.

Теперь онъ, конечно, тѣмъ не менѣе, остается очень талантливымъ рассказомъ, съ очень хорошимъ настроениемъ или идеей, но... онъ далеко не глубокъ, не такъ глубокъ даже, какъ другіе рассказы (и драмы) того-же автора. И это — очень жаль! Чтобы понимать нашъ народъ въ его „цѣломъ“, т. е. не въ однихъ отрицательныхъ явленияхъ его жизни, а въ томъ положительномъ, что мы наблюдаемъ въ частомъ видѣ, напр., у гниляковского стрѣлочника, а въ извращенномъ видѣ у невѣжественныхъ тараспольскихъ фанатиковъ, — недостаточно рисовать одни внѣшнія явления; необходимо глубоко анализировать и внутренний миръ этой загадочной массы, гдѣ такъ трагически перепутано самое свѣтлое, что знаетъ человечество, — съ самымъ мрачнымъ, дикимъ ужаснымъ.

Л. Е. Оболенскій,
С.-Петербургъ.